

**Повторы, их виды и функции
в романе Федора Сологуба «Творимая легенда»
Сысоева Анастасия Владимировна**

студентка

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

email: as.ya@mail.ru

Роман «Творимая легенда» является последним крупным прозаическим произведением старшего символиста. Сам Сологуб считал его вершиной своего творчества. Черновики и подготовительные материалы позволяют увидеть, какую работу провел автор над языком произведения. Несомненно, важную роль играют повторы, постоянно встречающиеся в тексте.

В докладе анализируются две основные группы повторов – внутритекстовые и межтекстовые. Внутритекстовые создают ткань самого романа, межтекстовые связывают роман с другими произведениями Федора Сологуба. Повторы проявляются уже на уровне *названия* частей романа. Название первой части «Капли крови» вносит тему страдания. Сочетание «капли крови» появляется как в первой части (в сценах разгона митингующих казаками и попытки изнасиловать Елисавету), так и во второй (в рассуждениях об убийстве Астольфом Маргариты). В свою очередь, название второй части «Королева Ортруда» повторяется в первой части, так как Елисавета видит судьбу королевы Ортруды, воспринимая ее как свою жизнь. Третья часть озаглавлена «Дым и пепел». Дым и пепел от проснувшегося вулкана сопровождают все царствование королевы Ортруды, так что это сочетание встречается во второй части. Повторы названий демонстрируют связанность частей трилогии, в одной части содержатся отсылки к следующей.

Повторяются важные для понимания взгляда Триродова на человека, возможности его воспитания и преобразования *рассуждения о звере в человеке*. Об инстинктах человека–зверя говорит сам Триродов, споря со школьным начальством о целях воспитания, обличая государственную школу. О необходимости преодолеть в человеке зверя беседуют Карл Реймерс и королева Ортруда. Об этом же, объясняя принципы воспитания, говорят учительницы детской колонии Триродова. Мечтая о Лакониуме, – месте, где должна была воплотиться утопическая система образования, – королева Ортруда говорит о пути от зверя к божеству. Повторяются и *рассуждения о двух истинах*, данных человеку: о лирическом отрицании жизни и об ироническом ее принятии. Мы слышим речь автора, объясняющего данную концепцию, об этом в разговоре с Рамеевыми сообщает и Триродов. Сама судьба Триродова иллюстрирует это положение: ему было дано, как и первому человеку, две жены – лунная Лилит, говорящая миру нет, и солнечная Елисавета, символизирующая принятие мира. Так же показана представленная в аллегорической форме жизнь человека на земле Ойле.

В тексте романа происходит и повтор сходных *ситуаций*. Сопоставляются Ортруда и ее предшественница, легендарная королева Джиневра. Обе королевы оказались в сходной ситуации: узнав об измене мужа, убивают соперницу. Две любовницы принца Танкреда, мужа Ортруды, сходным образом выражают неприязнь к королеве, навалившись ей на грудь. Эта ситуация переходит на уровень межтекстовых повторов, если вспомнить о романе «Тяжелые сны» и о соперничающих матери и дочери.

Писатель использует *автоцитацию*. В основном, цитаты фраз отсылают к стихотворным текстам Федора Сологуба. С прозой произведение связывают *персонажи, уже встречавшиеся в творчестве* писателя. В первой части появляется Молин – персонаж из «Тяжелых снов», Передонов – персонажа «Мелкого беса». В пьесе Сологуба «Победа смерти» есть персонаж «Альдонса, именуемая королевою Ортрудой». Первая жена Триродова, Лилит, встречается и в «Зверином быте», в этом рассказе Лилит – тоже первая жена, уже скончавшаяся. В романе часто используются имена героев других литературных произведений, легенд, мифов: Альдонса и Дульцинея, Айса и Ананке, Анчутка беспятый и др. По словам И.П. Смирнова, для ранней лирики Федора Сологуба характерна ситуация, в которой «грань между мифологическим прошлым и современностью размывается,

мифологические имена попадают в контекст настоящего» (Смирнов, 44).

Повторы используются для создания атмосферы чудесного, имитируют завораживающий ритм заклинания. Особенно ярко это проявляется в диалоге Кирши и Триродова. Их общение напоминает обряд. Кирша играет в обмене репликами активную роль, он спрашивает, Триродов, как замороженный, отвечает.

Слова «тихо», «тихий» и пр. часто встречаются в тексте. В абзаце, в котором речь идет о тихих детях, использовано 64 слова (считая служебные части речи), восемь из них – производные от слова «тихий».

Благодаря столь частым повторам, актуализирующим в основном область тайного, мистического, нагнетается атмосфера страха, ассоциирующаяся с миром мертвых. Кроме того, мы можем взглянуть на мир глазами Триродова, попасть в полудремотное состояние, похожее на кошмар. Повторяемость событий предстает вечным и неизменным законом жизни, это подтверждают и слова луны «Что было, будет вновь. Что было, будет не однажды» (Сологуб, 79). А описанная в главе Иванова ночь, в которую мертвецы встают из могил, повторяется каждый год.

Повторы придают тексту характер стихотворной речи, в которой, обычно с помощью рифмы, происходит возврат к предыдущим строкам. В прозаическом тексте повторы создают ритм и возвращают читателя к уже прочитанному.

Более того, все произведения писателя можно воспринимать как единый текст, связанный повторами, причем в творчестве Федора Сологуба органично переплетаются лирические и прозаические произведения, лирические тексты могут позже получить развитие в прозе. Повторы, проходящие через все творчество писателя, способствуют формированию авторских мифов, что выводит их на более высокий уровень и может служить предметом следующих исследований.

Литература

Смирнов И.П. Заметки о ранней поэзии Сологуба // *Художественный смысл и эволюция поэтических систем.* М., 1977. С. 44.

Сологуб Ф. Творимая легенда: В 2 т. М., 1991. Т. 1.